

Виктор Стукалов

ЗАПИСКИ ЛЕСНИЧЕГО

Книга 3

*Светлой памяти лесника Катенского
лесничества Хорского мехлесхоза
Александра Николаевича Абашина
посвящается*

Тревожное утро

...Распахнув дверь, я вошёл в контору лесничества. В конторе было чисто прибрано и уютно. На печи, выпуская из носика тонкую струйку пара и ехидно посвистывая, стоял чайник, распространяя по конторе аромат лесных трав и цветов.

Техничка и пожарный сторож Галина Журкова, сделав в конторе приборку, уже собиралась уходить домой. Она сообщила мне, что из центральной конторы лесхоза в мой адрес никаких телефонограмм и новостей не поступало. Простившись со мной и пожелав мне доброго дня, она вышла.

Отсутствие новостей для меня уже было

хорошей новостью: в крае установилась высокая пожарная опасность и мы могли в любую минуту получить команду собирать «тревожные рюкзаки».

Я устало опустился на стул. Рабочий день ещё не начался, но я уже чувствовал какуюто внутреннюю усталость и напряжение. События последних дней своей неожиданностью внесли в мои планы большую сумятицу, и мне необходимо было немного расслабиться, чтобы всё обдумать и «привести в соответствие». А для этого мне предстояло решить с лесниками производственный вопрос, который мог бы не возникнуть, если бы...

Если бы директор Хорского мехлесхоза Александр Парфёнович Бычков не вызвал в Бичевую в контору лесхоза и не поставил бы меня перед выбором: или я беру в лесничество установку для производства хвойновитаминной муки, или трёх лошадей. И определил мне сроки для раздумья – не больше недели.

В это время во всех лесничествах по распоряжению «свер ху» работали установки по переработки хвои для получения хвойновитаминной муки, в которой «так остро нуждался крупный рогатый скот для повышения надоев молока и увеличения привеса молодняка».

Лесничий Бичевского лесничества Михаил Николаевич Тюфтин, из уважения ко мне, очень не советовал брать на себя эту «лишнюю головную

боль»: работа на этих установках требовала очень строго соблюдения технологии производства муки и требований техники безопасности. В противном случае установки довольно часто загорались, и не было ни одного лесничества, где бы это уже не произошло.

Лошади тоже сулили мне большие хлопоты: необходима была конюшня для их содержания, большое количество сена на зиму и человек, который бы имел опыт ухода за лошадьми и согласился бы стать конюхом. Брать человека со стороны – в лесничестве нет ставки конюха. А это значит, что для этого необходимо выделить когото из лесников, полностью освободив его при этом от прямых обязанностей, и платить ему ставку лесника. Но кто из лесников согласится на это?

Рабочих лесничества привлекать к этому я не мог: они работали по договору и получали сдельную зарплату за фактически выполненную работу. Поэтому, все эти вопросы можно было решить только с лесниками, и я уже заранее предполагал, чем и как это могло закончиться.

В конторе стали собираться лесники и рабочие. По установившейся и свято соблюдающейся традиции, каждый из них доставал из карманов домашнюю сдобу и раскладывал на большом старомодном письменном столе. Разлили по кружкам чай, щедро заваренный лесными

травами и цветами.

Отхлёбывая из кружки такой ароматный чай, я выбирал удобный момент, чтобы огорошить своих товарищей «приятной» новостью. Моё поведение не осталось незамеченным и мне пришлось рассказать лесниками о цели своего срочного вызова в контору лесхоза и поделиться с ними своими сомнениями и возможными проблемами.

Вопреки моим опасениям, все отнеслись к моему сообщению с пониманием и после небольших дебатов пришли к единому мнению: взять лошадей. А если ещё приобрести вьючные сёдла, то можно их использовать для доставки палаток и про дуктов питания при выполнении отводов лесосек в трудно дос тупных местах.

Ухаживать за лошадьми вызвался лесник Леонид Михайлович Огородник – человек очень ответственный и опытный.

Теперь осталось решить вопросы с заготовкой сена, определить площади, пригодные под сенокосы. Убрав со стола кружки и пакеты с домашней выпечкой, мы расстели на столе карту лесничества. «Шагая» по карте пальцами, мы определяли старые лесосклады, которые уже давно не использовались по своему прямому назначению, в течение двухтрёх лет густо заросли разнотравьем и могли служить хорошими сенокосами. Подкупало

ещё и то, что к таким складам по руслам ключей уже были проложены дороги и поэтому с вывозкой заготовленного сена проблем не должно быть.

Мы выбрали несколько таких складов, и теперь нам необходимо было осмотреть их в натуре и убедиться, насколько реальна возможность обеспечить лошадей своим сеном: привозное сено из лесхоза сулило нам очень большие хлопоты.

На дворе был уже июнь, и время торопило нас как можно скорее разрешить проблему с сенокосами. Было решено завтра с утра отправиться в тайгу и проверить склады, и одновременно – состояние дорог. За это время водные потоки могли размывать дороги, намыть песчаные косы и загромоздить наносами лесного мусора и кустов с размытых берегов.

Чтобы не отвлекать лесников и рабочих от работы, я решил проверить эти потенциальные сенокосы сам. Вместе со мной согласился пойти лесник Александр Абашев – молодой жизнерадостный паренёк, и, не смотря на молодость, уже достаточно опытный таёжник. Родившийся и выросший здесь, с малых лет занимаясь заготовкой папоротника, черемши, грибов и других дикоросов, он исходил окрестную тайгу вдоль и поперёк и поэтому знал её лучше, чем расположение классов в местной школе.

Я не возражал: тайга есть тайга и поэтому с

ним будет и надёжнее и безопаснее.

Путь предстоял не ближний. Нам предстояло за несколько дней пройти многие десятки километров, где по тайге, где по заросшим тальниками и травой старым лесовозным дорогам, и осмотреть добрую дюжину старых и давно не использованных лесоскладов.

... Мы прошли уже больше половины намеченного нами маршрута и осмотрели несколько больших и малых лесоскладов, дали визуальную оценку степени их захламлённости порубочными остатками и состоянию подъездных путей. Всё это я наносил на карту лесничества и ставил на каждом складе приблизительную оценку их пригодности в качестве сенокоса.

Июнь а тайге – удивительная пора. По склонам сопок среди зелёных крон лиственных пород белёсыми шапками выделялись цветущие кроны лип Комарова и Таке. Нам постоянно встречались деревья, сплошь заплетённые лианами лимонника и актинидией коломиктой, или «кишмишом», которую очень легко определить по листьям, окрашенными в эту пору почти на половину в белый цвет; приготовился распустить свои мелкие ароматные цветки лимонник китайский. В подлеске ¹ расцвёл чубушник

¹ подлесок – кустарники, реже древесные породы,

тонколистый, распространяя удивительный аромат своих крупных цветков, собранных в кистевые соцветия.

На открытых местах подняла вверх, как на показ, свои удлинённые метелки розовых цветков таволга иволистая. Очень часто нам попадались сплошные заросли цветущего шиповника даурского с длинными колючками на краснобурых ветвях, усыпанных розовыми цветками, а по берегам ключей – почти непроходимые заросли сведены белой, густо опушёнными мелкими молочнобелыми многоцветковыми соцветиями.

Мы полной грудью вдыхали этот удивительный аромат, и лишь на коротких привалах, осматривая себя от присосавшихся клещей, мы могли любоваться этой неповторимой красотой хорской тайги.

Многодневный переход по тайге и лесовозным дорогам, проложенным по руслам ключей и сквозь непролазные заросли кустарников по их берегам, ночёвки на «постели» из листьев папоротника или пихтового лапника у костра, дали о себе знать. Кроме этого, нам постоянно приходилось быть предельно осторожными: в это

произрастающие под пологом леса и не способные образовать древостой в данных условиях местопроизрастания.

время у медведей начался гон и их следы нам встречались довольно часто, а неожиданная встреча с любым из них нам могла обойтись очень дорого...

И теперь, изрядно уставшие, но с облегчёнными от запаса продуктов рюкзаками, мы спускались по руслу ключа НяуБиосани к лесовозной дороге «река Кафэ – посёлок Солонцовый».

Выбирая наиболее удобные места, мы переходили по перекатам с одного берега на другой, обходили небольшие деревца и кустарники, обвалившиеся с подмытых берегов в русло ключа. Несколько раз нами приходилось прорубать себе путь топорами: это было легче, чем пробираться по берегу сквозь густые непролазные заросли прибрежных кустов.

Довольно часто нам попадались кусты жимолости с ещё недозревшими ягодами, и мы не могли удержаться от соблазна, чтобы не набрать горсть кислосладких, с горчинкой, плодов.

Два года назад в урочище этого ключа прошла заготовка древесины и склоны сопки были пройдены выборочными рубками ² различной

² выборочные рубки – вырубка деревьев определённых пород, достигших возраста технической спелости: кедр – 140, ель 110, пихта 90-100 лет.

интенсивности. На отдельных участках, в основном с преобладанием хвойных пород, после таких лесозаготовок остались изреженные плешины лиственных пород, зарастающих теперь аралией маньчжурской, элеутерококком колючим, лещиной и чубушником тонколистым.

На других участках, с более крутыми склонами, рубки леса были проведены лишь местами и на небольших площадях. Поэтому лесосклады, сравнительно небольшие по площади, были расположены на большом расстоянии один от другого. А дорога, пробитая по руслу ключа, изобиловала наносами щебня с обрывистых берегов и захламлена порубочными остатками, вымытыми бурными потоками воды с лесоскладов.

День клонился к вечеру. По времени выходило, что выйти засветло к дороге мы уже не успеем. Ко всему, у нас не было уверенности, что в этот день будет вывозка заготовленной древесины в Солонцовый с мастерского участка «49 км.», что распложен в урочище ключа Саланка – правого притока реки Кафэ.

А по сему, прикинув всё «за» и «против», мы решили, что разумнее всего – остановиться на табор и переночевать на ключе. Единственное, что нас смущало – затянутое облаками небо, угрожающее нам дождём. Поскольку, ночёвки у костра под дождём – для нас дело, если не привычное, то, во

всяком случае – не трагическое, мы просто не стали об этом и думать.

Спускаясь вниз по течению ключа, мы обратили внимание на высокий, каменистый береговой откос западного берега ключа с довольно широкой полосой прибрежного галечника, на котором мы могли бы просторно разместиться. Это место хорошо проветривалось, что избавляло нас от комаров, а кроме этого, западный берег не затенялся кустарником и кронами деревьев, растущими на противоположном берегу. А это значит, что утром, лучами восходящего солнца этот берег хорошо прогреется и, тем самым, обеспечит нам более комфортные условия перед тем, как продолжить свой путь. А дальше, ниже по течению, насколько мы могли видеть, высокие и обрывистые берега ключа подходили к самой воде...

Выбрав, по нашему мнению, наиболее подходящее место, мы остановились на табор.

Через часполтора на каменистом берегу ключа уже жарко пылал костёр, под береговым откосом оборудована постель из пихтового лапника, над ней, на воткнутых в откос шестах – натянутый кусок полотна от списанной палатки. Рядом с костром – аккуратно сложенные в кучу дрова и вешалка для просушки обуви, носков и портянок.

... Стемнело. Удобно устроившись на лапнике, мы с Сашей подводили итоги